

Эмма Рудкевич

ИЗМЕНА МУЖА.
*Ты продал меня
своему конкуренту!*

Эмма Рудкевич

**Измена мужа. Ты продал
меня своему конкуренту!**

«Автор»

2026

Рудкевич Э.

Измена мужа. Ты продал меня своему конкуренту! /

Э. Рудкевич — «Автор», 2026

В пятую годовщину свадьбы я приготовила мужу роскошный подарок. А он встретил меня беременной любовницей и заявлением на развод.— Ты больше не жена, Вера. Ты ресурс, который я использовал! Игорь оставил мне старую машину, пустые счета и пятьдесят миллионов долга. А уже на следующий день его главный конкурент, миллиардер Аркадий Волков, предложил сделку: фиктивный брак в обмен на свободу. Я согласилась, чтобы уничтожить предателя. Но вскоре выяснилось страшное: мой новый муж сам организовал развод и долговую ловушку. А беременность любовницы скрывает опасную тайну. Теперь против меня играют оба мужчины. Только они забыли, что я умею считать чужие деньги.

© Рудкевич Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эмма Рудкевич

Измена мужа. Ты продал меня своему конкуренту!

Глава 1

На двенадцатом лифт отказался ехать дальше. Я ткнула в четырнадцатый, потом ещё раз, хотя прекрасно знала: от злости техника не чинится. Реле щёлкнуло, двери раскрылись. Поднимусь пешком. В сумке часы для Игоря, которые он высматривал полгода, и конверт с ключами от нового «Мерседеса». Пять лет вместе — можно было позволить себе один безумный подарок. От пальцев пахло ванильным кремом: торт собирала перед работой. Сейчас главное добраться домой. Последние недели муж смотрел сквозь меня даже за ужином, и я всё надеялась застать его без телефона в руке.

Выскочив из лифта, я побежала по бетонной лестнице. Тринадцатый... четырнадцатый. Воздуха не хватало, но у двери я всё-таки улыбнулась: нельзя входить на годовщину с лицом ревизора. Последние недели Игорь то отмалчивался, то уходил говорить по телефону в ванную. Сегодня я хотела усадить его напротив себя, без телефона и отчётов. Толкнула дверь на наш этаж и поправила ручки сумки. Свечи, стейк, подарок — хоть раз за месяц мы побудем вместе.

Ключ вошёл как обычно, а дверь распахнулась от лёгкого толчка. Я придержала её локтем, чтобы не стукнуть сумкой о косяк, и прислушалась. Игорь должен был быть дома — я ведь предупредила, во сколько приду.

В гостиной не горел даже торшер. Обычно Игорь включал телевизор, пока переодевался, и из прихожей я слышала рекламу. Сегодня гудел только холодильник. — Игорь? Я нашарила выключатель. Лампа мигнула; пришлось зажмуриться, а потом ещё раз позвать его, уже громче.

На столике стояла ваза с сухоцветами, сдвинутая к краю. Под ней крошки листьев. Я почти наклонилась убрать их — привычка, будь она неладна, — и увидела документы по ипотеке на подоконнике. Стопку выровняли так, что торчал только угол верхнего листа. Я никогда не держала бумаги возле окна. Пахло табаком. Игорь дома не курил при мне, а сейчас запах шёл из кухни.

Я достала телефон: вдруг он звонил, пока я бежала по лестнице? Нажала кнопку, разблокировала экран. Первым высветилось уведомление суда — иск о расторжении брака. Дата подачи месяц назад. Прочла до конца, потом вернулась к дате. Месяц. Он уже подал на развод, когда я согласовывала отпуск на нашу годовщину.

— Ты чего тут стоишь как вкопанная?

Голос донёсся из кухни. Я обернулась, всё ещё держа телефон перед собой, словно там оставалось что-то, что могло отменить увиденное.

Игорь стоял в кухонном проёме, в костюме, который я вчера гладила. Воротник расстёгнут, рукава закатаны. Даже поза была домашняя — так он ждал, пока я положу ему ужин. Только за его плечом стояла Светлана. Секретарша, с которой ночные совещания никак не кончались. Она отступила чуть в сторону, чтобы я увидела её целиком.

Светлана держала ладонь на животе. Меня этот живот интересовал куда меньше, чем то, почему она стоит босиком на нашей кухне. Или я уже не могла задавать такие вопросы?

— Мы тут всё решили, Вера, — сказал Игорь, даже не посмотрев мне в глаза. Он смотрел за моё плечо. Я даже оглянулась — вдруг там кто-то стоит? Нет, пустая прихожая. — Ты мешаешь.

«Мешаешь». Игорь сказал это так, будто я загораживала ему проход к холодильнику. Я опустила телефон, но убрать его в сумку не смогла: пальцы не слушались. В голове застряла только одна мысль — он месяц жил рядом и не говорил мне.

— Что ты несешь? — выдавила я. Губы дрожали. — Годовщина. Мы...

— Никакой годовщины нет, — перебил он сухо. Он шагнул ко мне. Я уже хотела отступить, но прижала сумку крепче: ещё уроню подарок, пока он договаривает. — Есть развод. Быстрый, цивилизованный и выгодный для меня.

Он полез в карман, и я почему-то ждала, что он достанет ключи и объяснит про квартиру. Достал действительно ключи — тяжёлую связку с ржавым кольцом. Бросил к моим туфлям, даже не протянув руку. Я посмотрела, куда они упали. Нагнуться сразу было невозможно.

— Это все, что я оставил тебе вместо квартиры, — произнес он ровно. — «Опель», который мы продали год назад, вернули через схему. Твои подписи под гарантиями ремонта тоже остаются на тебе. Долги за отделку — твои. Чистка квартиры — твоя забота.

Я уставилась на ключи. «Гарантии ремонта» — когда я их подписывала? Он подсовывал мне целые пачки: срочно, подрядчик ждёт, ты же проверила смету. Я считала расходы, переводила ему деньги на очередной стартап, а он распоряжался квартирой за моей спиной. Теперь ещё и чистить её должна я? Ключи лежали у носка туфли; поднять их означало принять его подачку. Но ночевать мне было больше негде.

— Ты... ты использовал меня, — прошептала я. Горло перехватило спазм.

— Я использовал ресурс, Вера. Не путай, — он пожал плечами. Я ждала, что он хотя бы посмотрит на телефон в моей руке. Но уведомление о разводе его не интересовало.

Я шагнула к нему, уже протянув руку к пиджаку. Носок туфли зацепился за чемодан, выставленный в коридор; я удержалась за стену. Чемодан новый, чёрный. Нашего старого, с синей лентой на ручке, не было. Они успели решить даже то, с чем я уйду, пока я поднималась по лестнице.

Светлана сделала шаг вперед. Она смотрела на мой рот. Я сжала губы; пусть попробует понять, что я собираюсь сказать. — Верочка, давай я помогу собрать вещи. Тебе тяжело стоять. Ты бледная.

Её пальцы коснулись кольца. Я помнила, как сама крутила его в день свадьбы, разглядывая при каждом удобном случае. Светлана тоже разглядывала — только прямо на моей руке. Может, уже прикидывала размер. Я сжала пальцы в кулак, пряча кольцо, и она потянулась снова.

Я ударила её по запястью и выдернула руку. Светлана удивилась, будто прикасаться ко мне ей уже разрешили. — Не трогай меня!

Светлана вздрогнула, отступая. Игорь даже не моргнул. Он следил за моей рукой и даже не попытался остановить Светлану.

Вместо свадебной фотографии на стене торчал загнутый гвоздь. Я подошла вплотную, как будто раму могли спрятать за дверью. Серебряная, большая; мы там смеялись, потому что фотограф приказал Игорю не смотреть на часы. Другая рама лежала лицом вниз. Я не стала поднимать её. Что бы там ни оказалось, это уже расставляли без меня.

Игорь обошел меня, направляясь к спальне. Он остановился, проходя мимо Светланы. И прямо на моих глазах, не скрываясь, не стыдясь, он наклонился и поцеловал ее в висок. Светлана подняла к нему лицо. Я помнила, как сама так делала, когда он приходил с работы.

Я прикусила губу и ощутила кровь. Игорь целовал Светлану у двери нашей спальни, где ещё утром валялась его рубашка. Рубашку я подняла, отнесла в стирку. От этой нелепой подробности хотелось кричать сильнее, чем от его слов.

Я подняла с пола ключи от «Опеля» и сунула в сумку. Там были телефон, паспорт и подарок, который теперь хотелось разбить о стену. Часы и конверт с ключами от нового «Мер-

седеса» я швырнула на стол перед Игорем. Пусть подавится. За его спиной виднелся мой халат. Я не взяла даже его — Светлана стояла как раз у двери спальни.

— Ты пожалеешь, Игорь, — сказала я. Голос дрожал, но слова вышли четко.

Он коротко рассмеялся, глядя на подарочные часы. Даже не отодвинул их, пока выговаривал мне. — Пожалеют те, кто не умеет считать деньги, Вера. А ты считала только чувства. Это плохая бизнес-стратегия.

Глава 2

Я вышла и услышала, как дверь закрылась. На площадке прислонилась лбом к оконному стеклу: холод помогал не разреваться вслух. В отражении видна тушь под глазами и пятно крема на платье. Утром заметила, но решила, что вечером переоденусь. Теперь вернуться и переодеться мне никто не предложил.

До парковки я шла, обхватив себя руками. Ноябрь, а я без пальто — оно висело в прихожей, в двух шагах от Игоря. Хотелось вернуться за ним и одновременно никогда больше не открывать ту дверь. Я остановилась у машин, пытаюсь вспомнить, где он оставил «Опель».

Я вытащила телефон на вибрацию. Может, Лена вспомнила про годовщину? Вечером она всегда писала поздно, после сверки.

Но это была SMS от банка. «Уведомление: Попытка списания средств со счета №... Неудачно. Остаток на счете отрицательный. Просрочка платежа по ипотеке увеличена. Комиссия за обслуживание просрочки начислена.»

Развернув сообщение, я перечитала сумму и номер счёта. Опять минус. Пока я закрывала расходы его фирм, он готовил развод: месяца вполне хватило, чтобы перетасовать документы. Командировки, поздние вечера за отчётами — он всегда знал, когда меня нет дома. Я вспомнила, как радовалась, что последний кредит наконец погасили. Кто именно погасил и какими деньгами? Надо было проверить. Прямо сейчас банк сообщал только, что платить должна я.

Я стёрла щекой о плечо остатки слёз. В банковском сообщении были номер счёта и сумма комиссии — их я хотя бы могла проверить. А его «всё решили» проверю отдельно. Он привык, что я разбираю за ним цифры. Вот и разберу.

Возле «Опеля» я наконец остановилась. За стеклом на сиденье валялась старая тряпка; спать на ней не хотелось, но это лучше, чем на лестнице. Я удерживала связку двумя руками. Игорь мог решить за меня, что сегодня закончилось. Завтрашний день я ему решать не дам.

Чёрный «Мерседес» подъехал к парковке и остановился рядом. Опустилось тонированное стекло. Аркадия Волкова я узнала сразу: его фотографии показывали на деловых встречах, обычно перед тем, как Игорь начинал ругать «Гранд». Волков смотрел на меня, а не на номер машины. Значит, приехал сюда не случайно.

Волков опустил взгляд к моей руке на дверце. Я нарочно не убрала её: сюда, к себе, я ещё могла сесть без разрешения. — Залезай, — произнес он низким, бархатным голосом. — Или будешь спать в машине?

Я оставила ладонь на ручке «Опеля». Здесь придётся спать, там меня могут увезти куда угодно. На Волкове был тёплый костюм, в салоне горела подсветка. Мне вдруг очень захотелось сесть туда и отогреть пальцы. Именно поэтому следовало задержаться ещё на минуту.

Помощь от Волкова Игорь назвал бы покупкой. Сам торговался на любой встрече, а сейчас бросил мне ключи на пол. Я посмотрела на чужого мужчину за рулём: ждать он умел, улыбаться для вежливости не считал нужным. Если ему понадобилась жена Демидова, значит, моё поражение ещё кому-то полезно.

Я посмотрела на окно квартиры на четырнадцатом этаже. Там горел свет. Там они праздновали свою победу.

Я шагнула к «Мерседесу», но остановилась, когда он потянулся открыть дверцу. — Я ещё не решила. Аркадий пожал плечами. — Тогда думай. Я найду тебя. Он уехал. А я поднялась обратно: хотя бы пальто и ноутбук я должна была забрать.

Вернувшись на этаж, я опять сунула ключ в замок. Он повернулся до упора и застрял. Я дёрнула дверную ручку, потом толкнула плечом; затрещал шов платья. Хотелось забрать пальто и больше никогда не пробовать этот ключ. Дверь даже не дрогнула.

За дверью Игорь засмеялся. Я услышала его сквозь дерево раньше, чем скрипнул замок. Надо же, умеет теперь смеяться дома. Я отступила. Игорь приоткрыл дверь и прислонился к косяку. Светлана прижалась к его боку, придерживая живот. В узкий проём пальто можно было просунуть. Меня — уже нет. Я смотрела в прихожую поверх её плеча, пытаюсь разглядеть свои вещи.

— Замок сменили после твоего ухода, Вера, — сказал он ровно, глядя на свои часы. — Забыл сказать. Извини. Он швырнул мне моё бежевое пальто. Я поймала его, прижала к груди и надела, отвернувшись от них.

Я села прямо на бетонные ступени подъезда. Через платье чувствовался бетон. Я подоткнула под себя пальто, но вставать не стала: пусть Игорь стоит и ждёт, раз так спешит закрыть дверь. Я просто смотрела на него. На его идеальную причёску, на чистые ботинки, которые стоили половину моей зарплаты. Я больше не искала в его лице объяснения. Он смотрел на меня, сидящую на ступеньке, и ему было хорошо.

Светлана вздохнула, потянувшись за сумкой, висевшей на дверной ручке, и достала оттуда коробку конфет «Рафаэлло». Светлана переступила через мои ноги, придерживая коробку. До перил ей было далеко; пришлось ухватиться за косяк моей двери.

— Тебе тяжело, деточка, — произнесла она голосом, полным фальшивой теплоты. — Возьми. Сахар помогает от нервов.

На белой коробке красная лента, под прозрачной крышкой ровные ряды конфет. Светлана держала её передо мной, пока я вспоминала: такой коробкой мы угощали гостей на новоселье. Я тогда считала, сколько можно потратить после первого ипотечного платежа. Она решила, что сейчас мне поможет сладкое.

Я не взяла. Просто посмотрела в её серые глаза.

— Убирайся, — прошептала я.

Света пожала плечами, развернулась и, сделав вид, что ей стало неловко, бросила коробку в урну у лифта. Коробка ударилась о край, несколько конфет рассыпалось возле моих коленей.

— Ну, как знаешь, — сказала она, возвращаясь в квартиру. — Жизнь такая. Никто не гарантирует, что будет красиво.

Дверь захлопнулась. Я дождалась щелчка, не вставая. Пусть не увидят, как затекла нога.

Телефон завибрировал в кармане. Экран вспыхнул: «Неизвестный номер». Я свайпнула, ожидая звонка от мамы или коллеги. Мужчина говорил с хрипотцой и жевал слова, будто звонок застал его за едой.

— Соколова? Это отдел взыскания банка «Гранд-Инвест». Вы просрочили платеж по кредитной карте на сумму двести тысяч рублей. Срок оплаты сегодня до восемнадцати ноль-ноль. Если денег нет, мы передадим дело судебным приставам. И да, у вас еще ипотека. И поручительство по кредиту компании. Не забыли, сколько там?

Я перестала слышать всё после слова «поручительство». В банке Игорь положил передо мной бумаги и сказал: просто гарантия, формальность. Пока я читала мелкий шрифт, он улыбался консультантке и торопил меня — переговоры, люди ждут. Мне хотелось спросить, какие именно мои подписи они сейчас предъявляют. Про кредитную карту я знала; про эту сумму — нет.

— Пришлите документы, — попросила я. Голос совсем не годился для переговоров, и я остановилась, чтобы сглотнуть. — Номер договора, подпись под поручительством. На каком основании вы требуете деньги с меня?

В трубке хмыкнули. Мужчина жевал; я отчётливо услышала, как он глотает, прежде чем ответить.

— Документы? Ты же жена, Верочка. Ты же верила. А верить дорого стоит. Завтра ждем оплату. Или твою работу. Мы уже звонили твоему начальству.

Я сбросила вызов и прижала телефон к колену, чтобы не выронить. Они звонили на работу. Завтра будут разговаривать со мной как с человеком, который не может выплатить собственный кредит, а я должна отвечать за чужие бюджеты. Мне нужно было попасть в офис раньше, чем Игорь успеет распорядиться и там.

Подняться удалось не сразу: от сидения на ступеньке затекла нога. Я расправила пальто, сунула ключи в карман и пошла к бизнес-центру. Там остался ноутбук с архивом, мои фотографии и книги. Хотя что-то нужно забрать самой, без разрешения Светланы помогать мне собираться.

У входа в бизнес-центр пахло кофе. Кто-то из ночной смены нёс стакан мимо турникетов; раньше я иногда задерживалась допоздна и брала такой же. Охранники увидели меня и переглянулись. Я достала пропуск, уже зная по их лицам, что карту можно не прикладывать.

— Пропуск аннулирован, — сухо сказал охранник, не глядя мне в глаза.

— Мне нужно забрать личные вещи, — я попыталась пройти мимо него.

Он перехватил меня за руку. Его пальцы лежали поверх рукава. Я попыталась отнять локоть; он только сжал сильнее.

— Стоять.

За стеклом Игорь шёл к инвесторам. Он наклонился к Светлане и что-то сказал, она засмеялась, придерживая его за талию. Они прошли мимо входа, и я не смогла понять, правда ли он не заметил меня за охранником или счёл ненужным посмотреть. Поднимать руку и звать мужа я не стала.

— Вера... — тихий голос принадлежал Лене, старшей бухгалтерше. Она стояла за спиной охранника, прижимая планшет к груди. Её глаза были полны ужаса и сострадания. — Он приказал выбросить всё. Сказал, что "старье" занимает место. Твои книги, фото... всё в контейнер за гаражами.

От слов Лены затошнило. Я сглотнула и дождалась, пока она отведёт глаза. Пять лет таскала в этот офис книги, папки, фотографии; оказалось, для их вывоза достаточно одного приказа. Ноутбук он, конечно, в мусор не отправил бы. Всё, на чём можно заработать, Игорь берег.

— Спасибо, Лен, — выдавила я.

Я развернулась и вышла на улицу. Контейнер за гаражами вонял гнилыми овощами и сыростью. Там лежали мои альбомы, мои диски, мои сувениры из отпуска в Италии. Сломанные рамки фотографий. Разбитая ваза, которую я купила на первый совместный отпуск.

Я не стала их собирать. Брезгливость победила. Пусть гниют там вместе с его ложью.

Глава 3

К вечеру всё равно понадобятся деньги. Я пошла в ломбард на углу, прикрывая ладонью кольцо, как будто его могли снять раньше, чем я решу продать. Игорь подарил его на годовщину: бриллиант в платине, я выбирала огранку. Сейчас осталось только оно. Вытягивать руку к оценщику было хуже, чем стоять возле турникета.

Оценщик, лысый мужчина с жирными руками, крутил кольцо между пальцами, хмыкая. Свет лампы отражался в камне, но не давал того радужного блеска, который я помнила.

— Стекло, гражданочка, — он вернул кольцо мне. Или попытался вернуть. — Подделка. Пять тысяч дам. И то только потому, что золото есть. Камень — стекляшка.

Я замерла. Я перестала понимать, сколько он предлагает за кольцо: только пять тысяч?

— Как? — спросила я тихо. — Это бриллиант. Я сама выбирала огранку.

Он усмехнулся, показывая желтые зубы.

— Умельцы делают такие за копейки. Красиво блеснит, а толку ноль. Твой муж экономил. До последнего дня.

Я забрала кольцо и сразу надела его обратно. Если это стекло, значит, он обманул даже тогда, когда мы вместе разглядывали огранку. Пять тысяч не решали ничего. Продать за них кольцо я не смогла — не из гордости, просто стояла и смотрела на палец, ещё не умея поверить оценщику.

Ночь пришла быстро. Мороз крепчал. Я села в свою машину — старый «Опель», который Игорь оставил мне со словами: «Это всё, что я тебе оставил вместо квартиры». От обивки тянуло холодом; прижать щеку к стеклу я не решалась. Печка не работала. Я закрыла окна, натянула капюшон пальто и свернулась клубком на водительском сиденье.

Телефон светился в темноте салона. SMS от мамы: «Как годовщина? Мы ждем фото. Люблю тебя, доченька».

Сообщение мамы не гасло на экране. Она ждала фотографии — я обещала прислать торт и нас за столом. Можно написать, что всё хорошо. Можно позвонить. Я зажала рот ладонью, боясь всхлипнуть в трубку, и так ничего не отправила. Мама меня любила, даже если я не могла ей сейчас ответить. От этого и плакалось сильнее.

Утро выдалось серым и промозглым. Стекло машины запотело изнутри. Я вытерла его рукавом, пытаясь разглядеть мир снаружи. Нужно было вернуться в офис: пропуск отключили, но приказ об увольнении я ещё не подписывала. Может быть, там меня еще слушают. Может быть, там я еще кто-то.

Я завела двигатель. Он чихнул, закашлялся и наконец заурчал. Я включила первую передачу и медленно повела машину к выезду с парковки бизнес-центра. Колеса скрипели по льду.

На выходе с территории мою дорогу перегородил черный внедорожник. Мерседес. Высокий, без номеров — я не видела за ним выезда. Он стоял посреди проезжей части, блокируя путь.

Сердце ушло в пятки. Коллекторы? Приставы?

Из внедорожника вышел Аркадий Волков в длинном тёмно-синем пальто. Он оставил дверцу открытой и пошёл ко мне, не оглядываясь на поток машин за своей спиной. Там уже сигналили. Ему даже голову поворачивать не понадобилось: водитель внедорожника показал что-то рукой, и сигналы стихли.

Волков остановился у моего окна. Про «Гранд» я знала из переговоров Игоря: перед встречами с ними муж лично перепроверял презентации и почему-то считал нужным срываться на мне. Теперь хозяин холдинга смотрел на мои запотевшие стёкла. У меня не было сил даже вытереть их как следует.

Волков поставил ладонь на крышу моей машины. На тёмной перчатке оставалась снежная крошка. Я опустила взгляд: смотреть снизу вверх на него было неприятно, а прятаться за стеклом ещё хуже.

Я опустила стекло. Холодный воздух ворвался в салон, смешиваясь с запахом его духов — дорогих, табачных, тяжелых.

— Вера Соколова, — произнес он. Голос был низким, бархатным, вибрирующим в грудной клетке. — Ты замерзла.

— Чего ты хочешь? — спросила я. Голос сорвался, но я не отвела глаз.

Он не ответил сразу. Вместо этого он достал из внутреннего кармана тонкую папку из крафтовой бумаги и положил её на панель приборов моей машины.

— Открой, — сказал он.

Я дрожащими руками взяла папку. Внутри лежала копия договора займа, который Игорь оформил на меня месяц назад. И справка из клиники. Результат анализа Светланы и предполагаемый срок беременности.

Я прочитала цифры. Голова закружилась. По сроку выходило, что Светлана забеременела ещё до того, как появилась у нас в офисе. Я знала только об их ночных «совещаниях» последних месяцев. Значит, Игорь лгал дольше? Или в этой истории был кто-то ещё? Зачем Волков показывал мне чужой анализ?

Игорь уже оформил заём, а Волков привёз его копию вместе с анализом Светланы. В одну папку сложили. Кто решил, что я должна читать их вместе?

— Он продал тебя за повышение, — сказал Аркадий тихо, наклоняясь ближе к окну. Я чувствовала тепло его тела, несмотря на мороз. — А я могу купить твою свободу. Но цена будет высокой.

— Что вам нужно?

— Ты должна знать: этот долг — не случайность. Это часть большой игры, в которую ты попала случайно. Но теперь ты в ней.

Он выпрямился. Его взгляд скользнул по моему лицу, оценивая слезы, красные глаза, растрепанные волосы. На красных глазах задержался дольше. Я поправила прядь за ухом, хотя лучше от этого выглядеть не стала.

— Я предлагаю сделку, Вера. Ты становишься моей женой. Фиктивно. Юридически чисто. Я гашу твой долг. Я даю тебе дом. Взамен ты помогаешь мне уничтожить компанию твоего бывшего мужа через архив, к которому у тебя был доступ. Ты знаешь, что искать, мои люди — нет.

Я смотрела на него. На его сильную руку в дорогой перчатке, лежащую на крыше машины. На его лицо, лишённое эмоций, но исполненное абсолютной уверенности.

Если я сяду к нему, он потребует плату за помощь. Уже потребовал: выйти замуж, добыть архив. А здесь в бардачке лежит пустой кошелёк, на телефоне — просрочка, и печка едва дуёт холодным воздухом. Я провела пальцами по рулю. Своим умом я ещё могла заработать. Отдавать его Волкову навсегда я не собиралась.

Ветер ударил в стекло. Капли тающего снега стекали по стеклу, искажая фигуру Аркадия.

Я сделала глубокий вдох. Воздух был колючим и чистым.

Я открыла дверцу машины. — Сначала я закончу дела в офисе. Без тебя. Он пропустил меня к выходу, но папку оставил на панели.

Глава 4

На пятый этаж меня всё-таки пустили. По коридору я шла к кадровому кабинету, разглядывая знакомые таблички. Странно: вчера могла открыть любую дверь здесь, сегодня должна была спрашивать, где ждать. Туфли скрипели, и я замедлила шаг. До Лены хотелось дойти, не привлекая весь отдел.

Лена, моя бывшая подруга, бухгалтерша, на которую Игорь теперь взвалил и кадровые бумаги, не подняла головы от монитора. Её пальцы замерли над клавиатурой, но взгляд остался прикован к экрану. — Вера Сергеевна, — произнесла она сухо, будто читала строчку из инструкции. — Игорь Викторович дал четкую команду. Увольнение только по соглашению сторон. Но есть условие: вы возвращаете корпоративный ноутбук и ключи от сейфа прямо сейчас. Без этого выплаты не будет. А без выплат... на что ты собираешься жить?

Без ноутбука я останусь с собственными словами против его документов. Он ведь не ради техники торопит: удалит черновики и объявит, что расчёты всегда были такими. А без выплаты я не смогу даже снять комнату. Я положила сумку на колени, чтобы Лена не заметила, как сильно дрожат руки. Акт. Сначала пусть оформят акт.

— Мне нужно письменное распоряжение, Лена, — мой голос дрогнул, но я заставила его звучать ровно. — И акт приема-передачи имущества. Со всеми подписями. Прямо сейчас.

Она наконец посмотрела на меня. В её глазах мелькнуло смущение, быстро замаскированное раздражением. Она потянулась к телефону внутренней связи. — Секретарь? Демидов в переговорке? Передайте ему, что Соколова требует бумагу. Да, прямо сейчас.

Дверь напротив распахнулась ещё до того, как Лена договорила. Игорь вошёл в пиджаке, который не помялся даже после дороги. Светлана за ним придерживала юбку на животе. Я посмотрела на Лену: она вызывала начальника, не мужа. Это следовало помнить и мне.

Игорь обошёл стол и сел рядом. Подошва его ботинка оказалась возле моего колена; я отодвинулась вместе со стулом. Он притянул к себе ноутбук, на котором я ещё вчера работала, и начал печатать. Спросить, закончен ли мой сеанс, ему не понадобилось.

— Твоё присутствие здесь раздражает инвесторов, Вера, — сказал он, не глядя на меня. Он нажал клавишу, не закончив фразы; я ждала, что сейчас повернёт экран ко мне. — Ты знаешь слишком много. А мне нужно чистое пространство. У тебя пять минут, чтобы сдать пропуск и исчезнуть. Или я вызываю охрану и оформляю тебя как нарушителя периметра.

Про архив он не сказал ни слова. Только пять минут и охрана — как на переговорах, когда не хочет обсуждать цену. Я попыталась поймать его взгляд. Он уткнулся в ноутбук. Конечно, ему проще выставить меня, чем объяснить, почему активы ушли Светлане. До файлов он меня теперь добровольно не допустит.

Я встала и раскрыла сумку. Ничего, ещё можно собрать оставшееся при нём — пусть смотрит. Со стола забрала кружку с отколотым краем, пару папок с личными заметками, телефон. Не оправдываясь, не крича. Просто уходя. Если задержусь, он увидит, как я снова пытаюсь удержать слёзы.

Светлана встала в дверном проёме. Я повернулась боком, собираясь протиснуться, но она шагнула ко мне и задела плечо бедром. Сумка соскользнула с руки. На пол посыпались блокноты, за ними ключи и ручки. Я успела поймать только телефон. Светлана смотрела вниз и не шевелилась, хотя половина вещей лежала у её ног.

Светлана улыбнулась своей новой, приторной улыбкой, положив руку на выпирающий живот. — Осторожнее, дорогая, — её голос звенел на весь коридор, где уже начали собираться любопытные коллеги. — Ты же теперь никто. А я — будущая мать наследника. Не стоит путаться под ногами. Это может быть опасно для твоей репутации.

В коридоре хихикнули. Я не подняла головы посмотреть, кто именно: распознала бы голос, но потом до конца жизни помнила бы его. Светлана громко говорила со мной и держала ладонь на животе, будто защищала его от лежащих на полу блокнотов. Дать ей повод крикнуть «ты меня толкнула» я не могла.

Я присела, удерживая телефон, и стала сгребать бумаги в сумку. Ключи укатились под её туфлю. Пришлось сказать: «Подвинься». Она отступила на полшага; улыбалась до тех пор, пока я не встала. Я смотрела на неё, выжидая. Вчера хотелось умолять, чтобы всё оказалось неправдой. Сегодня — чтобы эта женщина запомнила мой взгляд. Светлана первой отвела глаза.

В лифте было тихо. Металлические стены отражали мое бледное лицо. Двери почти сомкнулись, когда чья-то рука остановила их. Аркадий Волков. Он не вошел целиком, оставаясь в дверном проеме, блокируя выход. На его тёмном рукаве не было ни пылинки; свой я тщетно отряхивала после пола. Он оглядел грязь на юбке, потом посмотрел мне в лицо.

— Грязная юбка, трясущиеся руки, но спина прямая, — констатировал он низким бархатным голосом. — Ты либо очень гордая, Вера, либо очень глупая. Или и то, и другое. Что тебе нужно больше: деньги или месть?

От Волкова пахло табаком. Он не отпускал створку, а я не могла нажать кнопку и уехать. Хотел ответ — получит. — Месть, — шепнула я, хотя горло перехватывало спазм. — Но я хочу получить её своими руками.

Аркадий отпустил створку лифта. Уголок рта у него дёрнулся, но отвечать мне он не стал. Двери сомкнулись. Я ехала вниз одна, стоя на том же месте, и всё ещё слышала вопрос: деньги или месть? Как будто я могла выбрать только одно. Хватит с меня людей, которые составляют список моих желаний за меня.

Выход на парковку встретил меня серым небом и влажным асфальтом. У моей машины (той самой, которую оставил Игорь как подачку) стоял мужчина в дешевой куртке. Коллектор. Он не угрожал сразу. Он просто достал телефон и показал фото моего паспорта. — Первый взнос по кредиту просрочен, Соколова. Платёж должен был пройти вчера вечером. Подпись ваша. Мы можем решить вопрос мирно, или мы расклеим объявления о вашем банкротстве на подъезде дома ваших родителей. Они пожилые люди, им тяжело читать такие новости.

Родителям он звонить не должен. Мама спросит, почему банк разыскивает меня, отец начнёт собирать деньги, которых у него нет. Я даже не сообщила им о разводе. Прижала ладонь к карману с телефоном. Звонить родителям при нём не стану. Сначала документы — хотя бы один аргумент против его «подпись ваша».

Я достала свой телефон. Пальцы дрожали, но я набрала номер единственного человека, который мог помочь прямо сейчас — Гриши, бывшего бухгалтера, которого уволили вместе со мной. — Гриша, слушай внимательно. Мне нужны скриншоты договора займа. Те, где видно дату создания файла. Там подпись фальшивая. Если ты найдешь это сейчас, я спасу себя и твою пенсию от штрафов. Пожалуйста.

Гриша помолчал, потом буркнул: «Попробую». Я осталась возле машины с телефоном в руке, боясь пропустить ответ. По телефону он не обещал чудес — и я вдруг была благодарна даже за это. Если файл у него сохранился, мы сможем показать, откуда взялся долг.

Через двадцать минут телефон завибрировал. Гриша прислал три скриншота. Метаданные показывали, что файл создан за час до моего ухода с работы, но указанная в договоре дата подписания совпадала с моей командировкой. Доказательства были косвенными. Нужна оригинальная бумага, которая лежала в сейфе Игоря в кабинете. Только там хранился «чистый» вариант договора, где подлог был очевиден для эксперта.

Мне нужно было вернуться. Сейчас. Пока руководство будет на обеде.

Я вернулась к ресепшену. Охранник, тот самый здоровяк с квадратным подбородком, узнал меня мгновенно. Его лицо окаменело. — Проходите нельзя, Вера Сергеевна. Приказ сверху. Вы не сотрудник.

Охранник смотрел мимо меня. Я отошла, прежде чем он снова взялся за мою руку, и нащупала в боковом кармане дубликат карты серверной. Утром сдать его не потребовали, про карту забыли. А я теперь вспомнила. Если не успели отключить технический доступ, смогу хотя бы добраться до терминала.

У пожарного выхода оказалось тихо. Я приложила карту и дождалась щелчка; дверь подавалась. На лестнице вниз пахло старой краской, зелёная лампа горела через один пролёт. Я держалась за перила. В серверной можно найти копии, и сейчас этого было достаточно — бумага в сейфе подождёт.

В серверной дуло так, что я подняла воротник. Гул оборудования заглушал шаги; от этого легче не становилось. Нашла рабочий терминал, вставила флешку, открыла архив. Раньше я ждала, пока загрузится нужный раздел, и успевала налить кофе. Сегодня следила за дверью, боясь даже повернуться к экрану спиной.

За стеклом включился свет. Игорь стоял у двери и смотрел на флешку. Я убрала руку с клавиатуры. Он не спрашивал, что я делаю. От того, как долго он молчал, стало ясно: сейчас удовольствие получит именно он.

— Ну наконец-то, — протянул он, входя внутрь. Его шаги заглушал гул вентиляции. — Ты нарушила закон о коммерческой тайне и вторглась в частную собственность. Я могу посадить тебя на пять лет, Вера. Или...

Он выдержал паузу и дождался, пока я подниму глаза. — Или ты согласишься на мои условия. Условия, которые тебе предложит мой новый друг, Аркадий.

Я вцепилась в край стола. Игорь произнёс имя Волкова слишком легко — «новый друг». Утром Волков обещал уничтожить его компанию, а теперь Игорь пересказывал его условия. Я пришла за доказательствами против мужа, и муж уже знал, к кому меня отправить.

Мне показывали их вражду, пока они договаривались обо мне. Игорь оставляет долг, Волков обещает его погасить — в обмен на брак и архив. Какая часть этой сделки нужна каждому, я пока не понимала. Но выходило, что оба рассчитывали на мою подпись, а спросить меня забыли.

Игорь протянул мне свой телефон. На экране открылось сообщение от Аркадия: «Приезжай ко мне. Сейчас. Иначе завтра утром твоя мама узнает, что её дочь — уголовница».

Я смотрела на кнопку вызова в чужом телефоне. Если нажать, Волков услышит меня здесь, пойманную Игорем в серверной. Из их угроз хотя бы одна была настоящей: маме могут позвонить. Я не могла обещать себе, что справлюсь одна. Но запомнить это сообщение могла. Запомнила каждое слово.

Глава 5

В шесть утра я снова была у «Гранда». Уборщица протащила ведро мимо турникета, кивнула мне и пошла дальше; узнают здесь пока ещё все. Мне нужен архив за три года. В расходах остались проводки, которые Игорь не успел объяснить, а без них я не докажу, что делала работу, а не помогала ему выводить деньги.

Я подошла к турникету, доставая свой бейдж. Картонка с моим фото, отпечатанным пять лет назад, когда я еще верила в команду. — Пропуск недействителен, — голос охранника был сухим, как наждачная бумага. Он даже не посмотрел мне в глаза. — Приказ сверху. Старые ключи отменены.

Мои пальцы сжались в кулак так, что ногти впились в ладони. Я разжала пальцы, иначе не сумею достать телефон. Самой звонить наверх — пусть охранник звонит. — Позвоните HR-директору, — процедила я сквозь зубы. — Сейчас. Я Соколова, финансовый директор. Вы меня блокируете незаконно. Охранник вздохнул, достал телефон. Пока он набирал номер, я смотрела на свои туфли. Лакированные, новые, купленные в кредит неделю назад. Они блистали в тусклом свете коридора, отражая мое искаженное лицо. В этих туфлях я ещё неделю назад ходила на совещания. Теперь ими нельзя переступить турникет.

Через десять минут мне дали временный доступ до обеда: приказ об увольнении ещё не подписали, а акт сдачи ноутбука Игорь так и не прислал. До обеда я должна была забрать своё и закончить передачу дел.

Я вошла в опенспейс финансового отдела. Коллеги уже начинали шевелиться, но стоило мне переступить порог, как воздух загустел. Лена передвинула мой стул к соседнему столу. Пришлось остановиться посреди отдела — сесть теперь некуда. Она поправила коврик для мыши, который я ей подарила, и только потом заговорила. — Извини, Вера, — сказала она, не глядя на меня. Улыбаясь своему монитору. — Тут новый поток информации идет, место занято. Не мешай процессу.

Мы с Леной столько ночей провели над квартальными отчётами, что она знала даже, сколько сахара я кладу в кофе. Сегодня отодвинула мой стул и не спросила, где я спала. Остальные уткнулись в мониторы. Я убрала в сумку ежедневник, ручку и чашку «Best CFO». Дурацкая надпись — подарок отдела. Разбивать её не стала. Надо было хотя бы вещи донести до машины, не показав, как меня мутит.

В переговорной комнате №3 сидела Светлана Громова. Секретарша. Беременная секретарша. Она развалилась на моем любимом кожаном диване, листая журнал, рядом с ней крутился стажер. На столе лежал мой ноутбук. Тот самый, с черновиками стратегии поглощения конкурентов, которую мы с Игорем писали полгода. — Верочка! — Света подняла голову, лучась ангельской невинностью. Она повернулась ко мне боком, и стажёр поспешно убрал со стола папку, освобождая ей место. — Ты же знаешь, мы тут обсуждаем твою преемственность. Игорь сказал, что ты можешь забрать... эээ... личные вещи. Но рабочие материалы остаются компании. Не будь жадной, детка.

Жадной. Та, кто только что украла мою квартиру, называла жадной меня. Я шагнула к столу. Руки дрожали, но я схватила ноутбук, прижимая его к груди, как щит. — Это мой рабочий ноутбук, который вы требуете сдать по акту, — произнесла я тихо, но четко. — И если он исчезнет, я напишу заявление в полицию о краже личных данных. Светлана хихикнула, пряча улыбку в ладонь. Стажер отвел глаза. Я вышла, чувствуя, как холод кафельного пола пронизывает подошвы. Ноутбук тяжело давил на ребро. Я его всё-таки забрала, а попросить папку с актом у меня уже не хватило голоса.

В столовой жарили лук. Я взяла салат — горячее сейчас не проглочу — и села возле окна. Ковыряла его вилкой, пока не услышала знакомый голос. — Вера Сергеевна! Какой сюрприз.

Ко мне подсел Марат, бывший партнер по совместному проекту. Его рубашка стоила дороже моей месячной зарплаты после вычета долгов. — Слышал, ты в трудном положении, — он глотнул компота, давясь смехом. — Долги есть долги. Знаешь, у меня есть один знакомый инвестор... Ему нужны красивые девочки для сопровождения встреч. За такое сопровождение можно списать вексель. Или хотя бы получить отсрочку. Что скажешь? Подработка?

Я отодвинула салат и встала. Стул отъехал далеко, но возвращать его я не стала: Марат уже потянулся придержать меня за локоть. — Ты думаешь, я настолько низко пала? — спросила я, глядя ему прямо в зрачки. — А что, разве нет? Без дома, без мужа, с коллекторами на хвосте. Девушка, деньги решают все. Я взяла стакан воды, который стоял перед ним, и плеснула содержимое ему в лицо. Холодная жидкость растеклась по дорогой ткани, капля за каплей падая на стол. Тишина повисла мгновенная, оглушающая. Все головы повернулись к нам. — Лучше умру с долгом, — сказала я, не выпуская пустой стакан. Марат закрывал мокрый воротник салфеткой. — Чем буду торговать собой ради твоих жалких подачек.

Марат вытирал лицо, пропуская воду под воротник. Салфетка расплзлась в его руках. Я пошла между столами к выходу, слыша, как кто-то шепчет мою фамилию. Пусть. Хочется обсудить женщину с долгами — вот вам ещё тема. Думать о том, что теперь расскажет Игорю Марат, сил уже не было. Зато его удивлённое лицо я бы с удовольствием увидела ещё раз.

На ресепшене секретарь подняла трубку и поманила меня. Из динамика уже кричал главный бухгалтер Геннадий Аркадьевич. — Соколова! Объясните немедленно! — его голос гремел через динамик громкой связи, слышимый всему этажу. — Вам звонят коллекторы! На адрес компании! Дискредитация фирмы! Я требую объяснений или увольнения по статье за нарушение трудовой дисциплины!

Я подошла к стойке ресепшена. Сотрудники переглядывались и тут же отводили глаза. Секретарь положила рядом листок для объяснительной. Я оставила его пустым. Я взяла трубку. Секретарь включила громкую связь. Я положила ноутбук рядом с аппаратом. — Геннадий Аркадьевич, — произнесла я спокойно, позволяя каждому слову упасть, как камень в воду. — Долг оформлен на ООО «Демидов Групп», мою подпись под поручительством я оспариваю. Если вас смущают звонки, спросите у вашего бывшего начальника, почему он оставил меня одну с этим мусором. Почему он перевел активы, а обязательства оставил на мне. Может, вам стоит позвонить юристам, а не на меня кричать?

В трубке стало тихо. Потом Геннадий Аркадьевич попросил секретаря связать его с юристами. О схемах Игоря они знали, но пока он платил им зарплату, предпочитали молчать. Я дождалась, пока секретарь запишет мой запрос. Теперь хотя бы останется дата и имя человека, который его принял. Выйти молча мне уже не хотелось.

Глава 6

Выход. Дождь хлестал по стеклам холла, размывая город в серую кашу. Я направилась к своей машине. Той самой, которую Игорь назвал «подарком на прощание». Старый «Опель», заляпанный грязью по самые ручки. Я села за руль. Повернула ключ. Машина не завелась. Просто щелчок и тишина. Я попробовала снова. Щелк. Тишина. Дёрнула рычаг под панелью и открыла капот. Ничего понятного мне: провода, клеммы, грязь. Стрелка топлива показывала полбака. Может, аккумулятор всё-таки сел? А я ведь ещё рассчитывала уехать на ней. Я достала телефон, чтобы позвонить в сервис, и увидела уведомление от ГИБДД: «На автомобиль наложен запрет регистрационных действий». Игорь. Конечно, Игорь. Он оставил мне машину, которую теперь даже не продать. Стартер не работал, а запрет лишил меня последней надежды продать машину и получить хоть немного денег. Она стала моим гробом на колесах.

Под дождём я попробовала вызвать такси. Пока машина подъезжала, грязь попала в туфли, и каждый шаг сопровождался хлопаньем. Водитель посмотрел на ноги, не открывая дверцу. — Извини, девушка. Грязь в салон не пускаю. Я даже ответить не успела, он уехал. Стояла с сумкой, стараясь прикрыть ноутбук пальто. Теперь надо вызывать следующего и заранее объяснять про мокрые туфли. На такую мелочь я могла ещё потратить остаток достоинства. На другое — уже нет.

— Холодно? Из-за дождя я сначала не расслышала слова и только потом узнала голос. Я обернулась. Аркадий Волков. Зонт в руке. Дорогой костюм, идеально сухой. Он перевёл взгляд с открытого капота на мои мокрые туфли. Зонт держал над собой. — Хотите вернуть это? — он протянул мне планшет. На экране видео с камер наблюдения офиса. Тайминг: сегодня, 6:15 утра. Игорь Демидов входит в мой кабинет. Открывает сейф. Я сменила код вчера, но аварийный ключ остался у него. Достает шкатулку. Мою шкатулку с золотыми серьгами бабушки и кольцом, которое я купила себе на первую премию. Он кладет ее в карман пальто. В шкатулке серьги бабушки. Я не носила их в офис, только однажды оставила после праздника. Игорь это помнил. На записи он проверил замок и сунул её в карман. — Или хотите, чтобы он потерял ещё больше? — спросил Аркадий.

Дождь попадал на экран планшета. Я провела пальцем по снимку: вот его рука, вот бабушкина шкатулка. Аркадий получил запись раньше меня и успел приехать с ней на парковку. Помощь, конечно. Очень вовремя рассчитанная помощь. Если я сяду к нему, попрошу файл, а не разрешение посмотреть. Копия останется у меня.

— Я хочу, чтобы он горел, — сказала я. Последнее слово пришлось выговорить медленнее: зубы стучали от холода. — Но я сама выберу момент удара. Аркадий усмехнулся. Улыбку он не убрал, но на планшете выключил запись. Смотреть её снова мне уже не предложил. — Держись.

Мы сели в его машину. Кожа сидений пахла новой книгой и сигарами. Теплый воздух обдувал замерзшие конечности, причиняя почти болезненное удовольствие. Он достал из мини-бара маленькую бутылку шампанского и наполнил бокал. Пузырьки играли в золотом напитке. — Твой первый шаг, — Аркадий достал из кармана сложенную вчетверо салфетку и ручку. — Записать согласие прямо здесь. На этой салфетке. Договор будет у юриста. Иначе завтра ты будешь спать в машине, которая тебе не принадлежит. А послезавтра тебя найдут в канаве. Я смотрела на салфетку. Белый прямоугольник бумаги. Имя Аркадия Волкова уже было написано там мелким, аккуратным почерком. Место для моей подписи пустовало. За окном машины шумел дождь, смывая с города следы прошлой жизни. Я вспомнила лицо Лены, переставляющей стул. Лицо Светланы, глядящей чужой живот. Лицо Игоря, забирающего золото. На салфетке от шампанского расплылось мокрое пятно. Подпись всё-таки уместится, если положить её краем к себе. Я взяла ручку.

В спальне Волкова пахнет деревом и сладковатым ароматизатором. На флаконе у кровати осталась бирка: три тысячи. Я машинально делю её на стоимость бензина и злюсь на себя: даже здесь продолжаю считать чужие траты. Кровать застелена, тапочки стоят носками к выходу. Всё готово для гостыи, которой ещё не объяснили, может ли она уйти.

В гардеробной нет моего платья и пальто — их унесли в чистку. Зато лежат шёлковые блузы, костюмы от Chanel и бельё с неоторванными бирками. Я тянусь к простой футболке на нижней полке. Чистая, мягкая, но пахнет тем же парфюмом, что его пиджак. Стою и держу её двумя пальцами, пока не становится смешно: спорить с футболкой поздно. Надо выспаться и спорить с человеком, который всё это заказал.

Живот сводит от голода. На кухне горит только подсветка, холодильник открывается почти бесшумно. Йогурта нет. Устрицы на льду, трюфельное масло, вино — всё, к чему хочется вызвать инструктора. Я нахожу молоко и смотрю срок: вчера. Вот это уже знакомо. Ставлю пакет обратно. Выпить испорченное молоко из гордости было бы совсем дурацким завершением дня.

За спиной шуршит одежда. Я закрываю холодильник и оборачиваюсь. Аркадий идёт по кухне так, будто специально даёт услышать каждый шаг. Если сейчас спросит, что я здесь делаю, отвечу: ищу еду. Как ни странно, об этом мне не стыдно.

Он не включает свет. Он стоит между мной и дверью кухни; в полутьме видно только белый воротник. Молча он придвигает стакан виски и тарелку с двумя бутербродами с рост-бифом. Надеюсь, оба для меня, и тут же злюсь на эту мысль. — Ешь, — говорит он низким голосом, который вибрирует где-то в моих ребрах. — Ты мне нужна живой. Мертвая ты бесполезна ни для суда, ни для бизнеса. Я смотрю на еду. Руки дрожат, но не от страха. От ярости. Бутерброды лежат на столе, и я злюсь, что от меня теперь ждут благодарности даже за еду. — Я не хочу пить, — говорю я, отодвигая стакан. Аркадий не спорит. Он просто убирает бокал, и на стол ложится папка. Толстая, кожаная, с тиснеными буквами «GRAND». Проект брачного контракта. — Пункт 14, абзац 3, — указывает он пальцем с аккуратно подстриженным ногтем. — Обязательное присутствие супруги на всех деловых ужинах мужа. Ты будешь сидеть рядом со мной. Улыбаться. Молчать. Или говорить то, что я скажу. Ты думаешь, ты просто живешь здесь, Вера? Нет. Ты играешь роль. Каждый день. Каждая минута. Цирк начинается с утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.